

С. И. Смирнов

Православная Церковь и становление черногорской государственности

В центре внимания автора развитие черногорской государственности в ее связи с историей Черногорской Православной Церкви. Основываясь на материале, изложенном в статье, автор делает вывод об определяющем влиянии православной церкви в лице черногорских митрополитов на данный процесс. Причины этого автор усматривает в особенностях черногорского национального самосознания.

Ключевые слова: государственность, православная церковь, митрополит, теократия, национальное самосознание, племенной полицентризм, этническая консолидация, национально-освободительное движение, внешняя политика, российско-черногорские отношения, Цетинье, Петр II Негош, Петр I Негош.

S. I. Smirnov

The Orthodox Church and Formation of Montenegro Statehood

The author of this article pays attention to the development of the Montenegrin State organization and its connection with the history of the Montenegrin Orthodox Church. On the base of this article, the author makes a conclusion about the determinative impact of the Orthodox Church represented by the Montenegrin metropolitans onto this process. The author perceives the reasons of this fact in the peculiarities of the Montenegrin nation self-identity.

Key words: State organization, the Orthodox Church, metropolitan, theocracy, nation self-identity, breeding polycentrism, nation consolidation, national liberation movement, foreign policy, Russian-Montenegrin relations, Cetine, Petr I Negosh, Petr II Negosh.

В 1852 г. решением общенародной скупщины Черногория была провозглашена княжеством. Так впервые в своей истории Черногория обрела официальную государственность, которая спустя 26 лет была формально признана европейскими державами. Однако история становления черногорской государственности насчитывает более полутора столетий. Важной особенностью этого процесса является та роль, которую играла в нем православная церковь, в лице, прежде всего, черногорских митрополитов, бывших с начала XVIII века фактическими правителями Черногории.

Многие исследователи в своих работах так или иначе касались вопроса о взаимодействии церковной и светской власти Черногории. В дореволюционной историографии этот вопрос оказался связан с вопросом о форме государственной власти в XVIII – первой половине XIX в., которая определялась некоторыми историками как теократическая [6; 7]. В работах советских исследователей круг факторов, влиявших на становление черногорской государственности, традиционно ограничивался социально-экономическими и внешнеполитическими процессами. Роль церкви определялась как второстепенная [3; 9]. Более подробно на данной проблеме остановился Ю. П. Аншаков. Критикуя точку зрения о теократическом характере черногорского государства, он отмечает особую консо-

лидирующую роль церкви как «хранительницы традиций средневековой сербской государственности» [1, с. 53].

До настоящего момента тема взаимодействия черногорской государственности и православной церкви не стала предметом специального исследования, что обусловило недостаточную глубину проработки проблемы в отечественной историографии.

В Средние века территория, на которой впоследствии возникло черногорское княжество, была в составе королевства Зета, входившего, в свою очередь, в состав Сербской державы. К середине XV века в результате османской экспансии все части сербского королевства, кроме Зеты, утратили свою независимость. Правитель Зеты Иван Черноевич был оттеснен турками-османами в неприступную горную часть страны, которая в документах XV века впервые начинает фигурировать как «Черная гора» или Черногория, где основал новую столицу – Цетинье. Столица, по всей видимости, задумывалась князем и как центр митрополии: через несколько лет в Цетинский монастырь-крепость переехал митрополит Зеты и Приморья Виссарион.

В 1499 г. туркам удалось покорить Зету. Последний ее правитель, Георгий Черноевич, отрекся от власти и вместе с семьей и знатью эмигрировал в Венецию. Так произошло окончательное

крушение зетской государственности. Однако закрепиться османской администрации в Черной Горе так и не удалось. Вся зависимость этой горной территории сводилась к нерегулярной уплате дани, которую часто приходилось собирать силой. Непрístupная горная местность привлекала к себе недовольных турецким господством со всей Сербии. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на неоднократные карательные экспедиции в Черную Гору, ее население за XV–XVI вв. не только не сократилось, а напротив, увеличилось. Под влиянием миграционных процессов сложилась и характерная социальная организация Черной Горы, основой которой были крупные общины – племена, имевшие самоуправление, военную организацию, представление общности происхождения. Отношения между племенами носили сложный характер, что ослабляло обороноспособность всей Черной Горы [6].

Единственным органом, имевшим надплеменной характер, являлся *збор*, собрание всех взрослых мужчин, решавший наиболее важные вопросы. Однако собирался он нерегулярно, а его решения не имели серьезного влияния на внутреннюю обстановку.

В условиях, с одной стороны, постоянного противостояния экспансии турок-османов, с другой – фактического отсутствия политической организации Черной Горы важное объединяющее значение приобретала православная церковь во главе с цетинским митрополитом.

В первой половине XVII века роль митрополита выходит за рамки духовного лидерства. Владыка начинает возглавлять народное ополчение. В это время объектом карательных экспедиций османской администрации чаще всего становится митрополичья резиденция – Цетинский монастырь. Уже к концу века митрополит начинает представлять Черногорию и на международной арене, от имени збора он просит помощи и покровительства у венецианской республики.

Окончательно роль митрополита как национального лидера определилась в начале XVIII в., во время правления владыки Даниила. С его именем связано такое важное событие в истории освободительной борьбы Черной Горы, как истребление в ней *потурченцев* – сербов, принявших ислам. До того момента Черногория не была однородна в культурно-религиозном плане, что объективно тормозило развитие народного движения, поскольку в лице своих единоверцев турецкая администрация имела лояльно настроенных подданных и потенциальных проводников

своего влияния не только в Черной Горе, но и во всех частях Османской империи. Истребление и изгнание потурченцев способствовало объединению черногорцев на культурно-религиозной основе, а также росту влияния митрополита.

Следующей задачей на пути консолидации Черногории стала борьба с племенными усобицами и обычаем кровной мести. По инициативе митрополита был создан общечерногорский судебный орган, имевший право смертной казни. Была учреждена должность председателя збора, губернатора (*гувернадура*). Со времени правления Даниила ведут отсчет отношения с единоверной Россией, ставшие важным фактором развития черногорской государственности. С 1714 г. Цетинскому монастырю выплачивается регулярная субсидия из Петербурга.

Митрополит Даниил предпринял попытку решить задачу консолидации Черногории в условиях племенного полицентризма, опираясь на авторитет церкви и на тот авторитет, которым, по свидетельствам современников, обладал он сам [3, с. 36]. С этого времени должность митрополита закрепляется за родом Петровичей Негошей. Факт роста влияния владыки отразился в появлении легенды о передаче светской власти последним правителем Зеты перед его отъездом в Италию непосредственно главе местной Церкви. Во времена владыки Даниила эта легенда получила достаточное распространение [5, с. 51].

Авторитет черногорского митрополита как духовного, национального и военного лидера не мог, однако, служить единственной основой для политической консолидации Черной Горы. Формально высшим органом Черногории продолжал оставаться неэффективный общеплеменной збор. Русский офицер, побывавший в середине XVIII в. в Черногории, отмечает, что «черногорцы регулярного правления не имеют, и хотя митрополит главным того народа правителем почитается, власть его состоит в весьма узких пределах, ибо он виновному в случае между простолудинами ссор ничего, кроме проклятия, учинить не может» [4, с. 377]. Со всей очевидностью вставал вопрос об организации в Черногории системы эффективного политического управления.

Решение этой задачи было связано с деятельностью черногорских митрополитов Петра I его племянника Петра II. Особенностью процесса создания органов государственного управления были центробежные тенденции внутри Черногории, продолжавшаяся борьба с турками и недос-

таток собственных материальных ресурсов. Все это, накладывая отпечаток, делало данный процесс крайне сложным, противоречивым, лишенным линейности и непрерывности развития.

Однако эти сложности в значительной мере компенсировались высоким авторитетом черногорских митрополитов, а также существенной материальной и дипломатической помощью из России. Субсидии, выплачивавшиеся царским правительством, долгое время составляли основу бюджета Черногории.

В ходе создания государственного аппарата претерпел эволюцию збор как орган верховной власти. В начале XIX века вместо него был создан Кулук – первое черногорское правительство и одновременно суд. В Кулук входили племенные старейшины, председательствовали в нем митрополит и губернатор. На содержание Кулука впервые были введены налоги.

В 30-е гг. в нарождающейся политической системе Черногории произошли изменения. Кулук был преобразован, вместо него появился Сенат, члены которого утверждались митрополитом. Для силовой поддержки решений Сената, контроля над сбором налогов, а также обеспечения безопасности митрополита и сенаторов была создана военно-полицейская структура – гвардия перяников. Покушение на жизнь митрополита приравнивалось к государственной измене и каралось смертной казнью. Должность губернатора была ликвидирована. Племенное самоуправление было заменено на назначаемых чиновников.

Таким образом, путь Черногории к политической консолидации и светской государственности сопровождался в первой половине XIX века постепенной трансформацией своеобразной республики с племенным представительством в виде збора в фактически абсолютную монархию. Отмечая авторитарный характер власти митрополита Петра II, исследователи называют его «светским правителем в теократической оболочке» [1, с. 82].

Такая эволюция политической системы Черногории делала желательной ликвидацию этой «теократической оболочки», что и было осуществлено преемником владыки Петра Даниилом, при поддержке значительной части старейшин и России. 9 сентября в Цетинье состоялось торжественное провозглашение Даниила Негоша князем, а Черногории – светским княжеством.

Тот факт, что на протяжении долгого времени в руках черногорского митрополита была сосредоточена верховная власть, позволил некоторым

исследователям определять государственный строй Черногории до середины XIX в. как теократию. Корни этого убеждения заключаются в восприятии самих современников. Например, русского правительства, которое долгое время не воспринимало черногорского митрополита как правителя Черногории. А его визиты в Россию рассматривались в контексте традиционных поездок за «милостыней» иерархов южных Церквей поработенных турками-османами народов.

Такие признаки теократического государства, как особое положение в социальной структуре духовенства и доминирующая роль норм религиозного права, отсутствовали в Черногории. Основу законодательства составляло обычное племенное право, а духовенство, особенно низшее, по свидетельствам наблюдателей, ничем не отличалось от остальных черногорцев, и было совершенно невежественно в вопросах богослужения [5; 7].

На наш взгляд, важная роль, которую играл митрополит в становлении черногорского государства, определяется несколькими факторами. Прежде всего, это социокультурный фактор. В условиях непрерывной борьбы за независимость, составлявшей основу бытия Черной Горы, борьбы, окрашенной в религиозные тона (против турок-мусульман), при отсутствии светской политической власти, способной организовать эту борьбу, православная церковь объективно становилась руководящей и консолидирующей силой, прежде всего в этнокультурном плане. При этом происходил рост этнического самосознания на религиозной основе. Черногорский збор, в условиях племенного полицентризма, имел мало шансов стать центром объединения. Гораздо более высоким объединительным потенциалом обладала фигура митрополита. Эта особенность и предопределила путь светской государственности Черногории как абсолютной монархии, а не демократической республики. Митрополит воспринимался как национальный лидер, неслучайно после провозглашения княжества было решено не назначать некоторое время митрополита, пока в сознании черногорцев не устоится новый порядок вещей [8, с. 14].

Несомненно, важную роль играл и личностный фактор. Современники характеризуют черногорских митрополитов из рода Петровичей Негошей как людей активных, волевых, умелых политиков и талантливых военачальников. Некоторые из них были еще и творческими людьми, как, например, митрополит Петр II – известный

югославянский литератор и просветитель. Все митрополиты из рода Негошей пользовались огромным авторитетом в народе. Исключение составлял лишь митрополит Савва во второй половине XVIII. В этих условиях черногорцы пошли на шаг, не согласующийся с церковными канонами, но оправданный с точки зрения национально-освободительной борьбы. Согласно с решением збора, появился второй митрополит, соправитель Саввы, Василий Петрович Негош. Кроме того, стоит учесть, что именно через митрополитов осуществлялась связь с единой Россией, имевшей большую популярность у черногорского народа.

Подводя итог, нужно сказать, что история Черногории до провозглашения ее княжеством являет собой пример живого, тесного переплетения истории светской государственности и православной церкви. Это обстоятельство обусловлено, прежде всего, неразрывным соединением идеалов веры и идеалов народной независимости в этническом самосознании черногорцев. По словам исследователя Аншакова, «православие и свобода слились для черногорцев в единое целое. Это выкристаллизовалось и в кличе, с которым черногорцы шли в бой: “За крест честной и свободу злотую!”» [1, с. 28].

Библиографический список

1. Аншаков, Ю. П. Становление черногорского государства и Россия (1798–1852 гг.) [Текст] / Ю. П.

Аншаков; РАН, Ин-т славяноведения. – М. : Наука, 1998. – 438 с.

2. Броневский, В. Б. Записки морского офицера [Текст] / В. Б. Броневский // В продолжение компании в Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 до 1810 г. – СПб., 1836. – 265 с.

3. Достян, И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX века [Текст] / И. С. Достян // Балканский исторический сборник / Академия наук Молдавской ССР. Институт истории. – Кишинев, 1974. – С. 5–39.

4. Журнал-отчет, составленный подпоручиком севского полка М. Тарасовым [Текст] // Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. – М. : Наука, 1982. – С. 376–386.

5. Макушев, В. В. Самозванец Степан Малый [Текст] / В. В. Макушев // Русский Вестник. – 1869. – Т. 62. – С. 13, Т. 63. – С. 9

6. Ровинский, П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем [Текст] / П. А. Ровинский; География. – История. – Этнография. – Археология. – Современное положение. – СПб., 1897. – Т. 2. – 564 с.

7. Роганович, Й. П. Черногорский теократизм [Текст] / Й. П. Роганович; Черногория под властью владык. – Казань, 1898. – 125 с.

8. Хитрова, Н. И. Россия и провозглашение Черногории княжеством [Текст] / Н. И. Хитрова // Славяно-балканские исследования : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1972. – С. 56–71.

9. Хитрова, Н. И. Черногория в национально-освободительной борьбе на Балканах в 50–70-е гг. XIX в. [Текст] / Н. И. Хитрова; АН СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1979. – 389 с.